

Вaгaнoв П. Г.

Предлагаемые вашему вниманию и юности — не столько воспоминания, сколько размышления о прошлом, а поскольку, как известно, все познается в сравнении, то и о настоящем.

Учился я в Уральском политехническом институте, а на преддипломную практику и дипломирование в числе 9 студентов первого выпуска физтеха был направлен в Москву, в Лабораторию измерительных приборов Академии наук (ЛИПАН) — теперь институт атомной энергии. После статьи в «Правде» от 13.01.89 об этом можно говорить вслух, а в те годы это было большой секрет. Так и в наших дипломах обозначено: инженер-физик, специальность — Измерительные приборы.

Первыми моими учителями, также как и моим соучениками Акишев В. И. и Калутина М. С., стали руководители дипломирования супруги А. Г. Плоткина и Е. М. Воинов. Отношения мои к ним очень доброжелательны и заботливо. От них-то и узнали, наконец, чем нам предстоит заниматься.

После успешной защиты дипломов нам троим довольно настойчиво предлагали остаться в ЛИПАНе, но мы столь же упорно стояли на своем: «Хотим на производство». Затянувшийся спор решился в нашу пользу, но лишь на самом высоком уровне. В два часа ночи — тогда это было в порядке вещей — нас принял Исаак Константинович Кикони (он, кстати, был председателем нашего ГЭКа) и сказал примерно так: «Мне все равно, где вы будете заниматься тем делом, которому вас учили — здесь или на «базе». Раз вы так хотите, поедете на «базу».

Это было в мае 1951 года, а 31 августа мы выехали на станцию Верхнейнейнск. Так мы оказались в нашем городе.

На следующий день пришли в отдел кадров. Нам очень приветливо встретил секретарь отдела Т. В. Казин (Татарничева). Начальник отдела кадров полковник Колесниченко А. В., посмотрев наши документы и позвонив кому-то, распорядился: «Акишев, Ваганов — в 16 отдел, Калутин — в Управление 27».

В отделе 16, я считаю, нам с самого начала крупно повезло, мы попали в расчетно-теоретический сектор, а в нем — в хорошие руки Б. В. Жигаловского. Он был тогда старшим научным

сотрудником ЛИПАНа, но, как и многие другие сотрудники сектора, практически постоянно жил и работал здесь, на «базе». Будучи нашим шефом, а потом и непосредственным начальником, больше всех сделал для нашего становления как специалистов. А надо сказать, что там тогда, кроме него, работали также известные теоретики, как академик С. Л. Соболев, Колокольцов Н.А., Сморodinский Я.А. и молодые таланты — Кagan Ю.М., Ханин М.А. Все работы возглавлял Исаак Константинович Кикони. Так что учиться нам, молодым специалистам, было у кого.

Именно в эти годы были, в основном, разработаны теоретические основы нашего производства. Не подлежит сомнению, что наличие такой теории стало важнейшей предпосылкой дальнейшего успешного развития нашего производства, и этим оно выгодно отличается от других отраслей промышленности.

Тяга к учебе в те годы была всеобщей. Все ощущали настоятельную необходимость в теоретических знаниях основ производства, но остро не хватало преподавателей, и поэтому меня сразу же привлекли к чтению лекций — сначала в техникуме, а потом на курсах при отделе подготовки кадров. Преподаватель, конечно, был и еще «зеленый», но на безрыбье, как говорится, и рак — рыба. Тем не менее, слушали меня внимательно, задавали вопросы. До сих пор с удовольствием вспоминаю горящие глаза моих тогдашних слушателей. Не то, что у некоторых нынешних студентов, которые все «до лампочки».

Дл и работали мы тогда по-другому, не от и до, как сейчас. Рабочий день заканчивался обычно часов в 10-11 вечера, а если надо было, то и позднее. Правда, приходили на работу в 10-11 утра, что когда выспитесь. Позднее время выхода на работу потом регламентировали, но работа в вечернее время еще долго оставалась нормой.

Если сказать коротко, все мы были тогда энтузиастами, даже, не побоюсь этого слова, одержимыми. Прежде всего, новизна проблемы вызвала значительный научный интерес. А если говорить по большому счету, то мы видели перед собой главную цель: в кратчайшие сроки обеспечить защиту советского народа против агрессивных устремлений американского империализма. Речь Черчилля в Фултоне в 1948 году не оставила на этот счет никаких сомнений.

И этот энтузиазм, эта одержимость как-то даже приподнимала нас над житейскими обстоятельствами. Мы, молодые специалисты, получали 1100 рублей «старыми» деньгами, конечно, в душе не соглашались с на-

чальником отдела 16 Карпачевым, убеждавшим нас в том, что чем зарплата ниже, тем лучше для нас, но и ничего не требовали, считая, что надо работать, а слава и зарплата тебя найдут.

Наша работа считалась тогда очень важной, и руководство завода не выпускало ее из поля зрения. Тогдашний директор завода Александр Иванович Чурин знал по имени-отчеству всех сотрудников расчетно-теоретического сектора, при встречах обязательно интересовался нашими проблемами и не в последнюю очередь — в житейском плане (Как с жильем? Сколько получаете? и т.д.), и безотлагательно оказывал необходимую помощь. Правда, прав и возможностей у него было несравненно больше, чем у нынешней администрации. В 1953 году я серьезно заболел, дешивая медицина оказалась бессильной, помочь мне могли только солнце и теплое море, и они действительно поставили меня на ноги благодаря тому, что путевка в Акади-Афони мне была выделена из фонда директора буквально через несколько дней, после звонка врача Александру Ивановичу.

Однажды Альберт Эйштейн, отвечая на вопрос, из чего складывается успех в жизни, назвал три его составляющих: умение работать, умение держать язык за зубами и умение отдыхать. Для меня эта формула представляется беспорядочной, я убежден в этом и на собственном опыте, и на многочисленных примерах из жизни друзей и знакомых. Мы сумели сохранить умение держать язык за зубами, иначе нас просто не стали бы здесь держать, приобрели умение работать качественно и быстро. Чтобы не быть голословным, приведу один пример. На первом этапе работы завода выяснилось, что для полного завершения технологического процесса необходим новый тип оборудования с малыми потерями рабочего продукта. И он был создан за шесть месяцев — от технического задания до ввода машин этого типа в эксплуатацию! По нынешним меркам — срок фантастически короткий.

Отдыхать мы тоже умели. Кто-то из великов назвал главной роскошью жизни — роскошь человеческого общения. В те годы мы, молодежь, частенько собирались в домашней обстановке, и не только по революционным праздникам, чтобы, пропустив по рюмочке, попеть песни, потанцевать и поговорить, словом — пообщаться. А как весело проходили праздничные демонстрации!

Продолжение на 13 стр.

Продолжение. Начало на 12 стр.

Регулярными были встречи в семейной обстановке и с другими людьми совсем по другому поводу. Дело в том, что Исаак Константинович был большим любителем и знатоком игры в винт, уделял ей все свое свободное время. Кино и телевидение для него не существовали. Я думаю, это потому, что винт – очень интеллектуальная и сложная игра, в этом она сродни шахматам. Кроме того, винт требует хорошей памяти и служит отличным средством ее тренировки. А память, надо сказать, была у Исаака Константиновича просто фантастическая, что делало его классным игроком. Ну, а главное, она хранила множество интереснейших фактов и историй, которыми он щедро делился с нами, его партнерами. По его просьбе, равносильной приказу, Юрий Викторovich Карякин открыл «школу» или курсы повышения квалификации винтеров, которые окончили 5 человек, так что недостатков в партнерях у Исаака Константиновича не было. Сейчас, говорят, найти живого винтера труднее, чем живого мамонта.

На этих встречах мы узнали от Исаака Константиновича ряд фактов из его жизни. Интереснейшим собеседником был также Н. А. Коловояков, жаль только, что в неофициальной обстановке мне не слишком часто доводилось с ним встречаться. Он происходил из старинного дворянского рода и получил соответствующее образование и воспитание. Французским языком владел в совершенстве. Все его предки мужского рода служили в Российском военно-морском флоте в высших чинах, и только он, став физиком, прервал эту династию. Меня всегда восхищала его глубокая интеллигентность, даже можно сказать, аристократичность в хорошем смысле этого слова, особенно в отношении к женщинам, его знания и эрудиция. В своей дипломной работе я, как мне казалось, и своего руководителя сумел в этом убедить, сделал некое «открытие» теоретического плана, и очень этим гордился, пока Никита Александрович – он был моим решившем – не положил меня на лопатки, но сделал это очень тактично. В то далекое время почти все документы, исходящие из расчетно-теоретического сектора, по решению соображениям писались от руки. Никита Александрович писал их без черновиков, сразу выдел, что говорит о предельной четкости его мышления.

Заканчивая, скажу, что 50-е годы были трудным, но интересным временем. И это время, как говорится, выбрало нас.

Р. Г. Ваганов,
кандидат технических наук,
лауреат Ленинской премии

НЕ РОНЯТЬ ЭСТАФЕТНУЮ ПАЛОЧКУ

Эти воспоминания автор написала тогда, когда комсомол еще существовал. Думаем, что они будут интересны и сегодня, особенно членам МОК.

Комсомольцы, которые приехали на завод в конце 40-х – начале 50-х годов, были приятно поражены красотой тайги, озер и гор, но удручены полным отсутствием бытовых условий и серьезно ослаблены: сумеют ли выполнить те грандиозные задачи, которые возникли в связи с предстоящим пуском завода и созданием совершенно новой технологии?

В те годы перед нами стояла главная задача – получить знания и овладеть профессией. Не случайно большинство комсомольского актива тех лет окончило институт, аспирантуру и стали крупными специалистами отрасли.

О том, как сочелась огромную производственную работу с активной комсомольской деятельностью, рассказка на примере Кагана Юрия Моисеевича (тогда – м.и.с., член комсомольского бюро – производственный сектор, а ныне действительный член Академии наук СССР). Вчерашний студент МИФИ, он не только сам овладевал новыми знаниями, но и обучал нас. За короткий срок он разработал теорию процесса, организовал в отделе на самом высоком уровне техническую учебу. Кроме него, лекции читали академики Виноградов, Кикнин И.К. и Миллионщиков А.Д. В то же время он выполнял все поручения бюро и принимал активное участие во всех общественных мероприятиях, будь то походы, диспуты, спорт, рыбалка, дружеское застолье по случаю получения посылки с лентровой банкой кашеиной лапты.

Высокий авторитет и пример Юрия Кагана способствовал выработке столь же ответственного подхода к своим обязанностям всех членов бюро и всех комсомольцев. В 1950 и 1951 годах я не припомню ни одного случая, чтобы кто-нибудь из комсомольцев + + + отказался от задания или плохо выполнил поручение, а ведь жили в то время не в городе, а в окрестных деревнях.

Н. А. Рыскузова, Г. А. Мамычев, П. А. Халикеев.
Встреча соратников

Из всего вышесказанного вовсе не следует, что в 50-х годах молодежь была лучше. На основании собственного опыта утверждаю, что молодежь 80-х годов культурнее, образованнее и деловитее нас. А в том, что авторитет комсомола в городе и на заводе несколько снизился, виновата не только молодежь. Считаю, что в этом повинны и длительная профессиональная акклиматизация (большая ридовых руководителей – как бы молодые не обшлись), расхождение слова и дела и, конечно, «подземки» – коррупция.

Хочется привести пример быстрого восстановления авторитета комсомольской организации и резкого повышения активности ридовых комсомольцев.

В 1983 году возглавил комсомольскую организацию цеха 20 Павел Баженов. Он мало говорил, но много делал. В первый же год работы занял 1-е место в конкурсе молодых специалистов, разработал и применил метод оптимального планирования эксперимента, использовал ЭВМ при анализе результатов, защитил авторскими свидетельствами ряд технических решений, кроме того, успевал выполнять все секретарские обязанности. Рос авторитет секретаря, рос авторитет и каждого комсомольца в цехе.

Конечно, работать так, как работал Баженов Павел, тяжело, но для пользы дела просто необходимо.

В завершение хочу пожелать ветеранам комсомола доброго здоровья, а молодым – широкой дороги и творческих успехов.

Н. Н. Рыскузова,
секретарь комсомольской
организации отдела 16 (1948 год)